

УДК 33:94
ББК 65.03(0)

Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков*

Л.А. Фадеева

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

Securitization of Memory Politics and Identity Politics as Academic and Political Tools

L.A. Fadeeva

Perm State National Research University (Perm, Russia)

Рассматривается секьюритизация политики памяти и идентичности как приема научного анализа и элемента политического инструментария. Автор характеризует этот процесс на основе изучения научного и политического дискурса последних лет. Секьюритизация политики памяти и идентичности, а также политизация истории находят отражение в научных публикациях и выступлениях политических лидеров, проявляясь в виде острых дискуссий, дебатов, войн памяти, борьбы идентичностей. Результаты исследовательских трудов могут создавать интеллектуальную основу для политического поворота или нового внешнеполитического курса. Секьюритизация переводит категорию политики идентичности в контекст международной безопасности, когда политика идентичности может быть использована как элемент мягкой силы или внешнеполитический инструмент. Намечился поворот к тому, чтобы определять политику идентичности как конкретное идеологическое оружие, которое может быть использовано против оппонентов в идеологической и политической борьбе. Это существенно меняет смыслы политики идентичности. Автор считает, что в научном анализе желательно избегать экстремальной политизации использования идентичности.

Ключевые слова: секьюритизация, политика памяти, политика идентичности, политизация истории, легитимация внешнеполитического курса, мягкая сила.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-12

Концептуализированная в конце 1990-х гг. категория «секьюритизация» оказалась востребованной и политиками, и аналитиками политических

The article discusses securitization of memory politics and identity politics as a part of academic tools and some kind of political tools. The author characterizes the process of securitization analyzing both academic and political discourse of the last decade. The securitization of the politics of memory and identity, as well as the politicization of history are reflected in academic publications and political declarations, pouring out into hot discussions, debates, wars of memory, struggle of identities. Research findings can create basis for a political turn or a new foreign policy course. Securitization puts the category of identity in the context of international security while identity politics could be used as a soft power element or foreign policy tool. There has been a turn towards defining identity politics as a concrete ideological weapon that can be used against opponents in the ideological and political struggle. This significantly changes meaning of identity politics. The author considers that in scientific analysis it is advisable to avoid extreme politicization of identity.

Key words: securitization, memory politics, identity politics, politicization of history, legitimation of foreign policy, soft power.

(как международных, так и внутренних) процессов [1]. Секьюритизация подразумевала возможность экстремальной политизации, в том числе и того,

*Статья подготовлена в рамках проекта «Война и мир в вызовах европейской безопасности» – POWERS программы Жана Монне.

что относится к социетальной сфере, включая идентичность. Впрочем, как известно, в теории международных отношений с середины прошлого века популярна концепция Раймона Арона, который связывал идентичность и стремление государств к безопасности [2]. Цель данной статьи – выявить основные современные тенденции секьюритизации политики памяти и идентичности как приема научного анализа и элемента политического инструментария.

В настоящее время из области сугубо научных исследований политика памяти и идентичности перешла в сферу политического. В недавно опубликованной коллективной монографии «Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы» авторы, историки и политологи, используют понятия конфликтов памяти, войн памятников, клинча идентичностей, объясняя это тем, что произошла секьюритизация политики памяти и идентичности, т.е. ее концептуализация как сферы, связанной с вопросами безопасности [1]. Это распространилось как на общее понимание, интерпретацию событий и феноменов, так и на язык, терминологию, которые стали использоваться в данной сфере. В научный оборот вошло понятие *mnemonic warriors* (бойцы, воители в сфере политики памяти) для описания того, что акторы такой политики глубоко убеждены в правоте своей интерпретации, а попытки ее оспорить воспринимают как акт агрессии. О.Ю. Малинова характеризует этот процесс в разных контекстах, включая проблематику исследований международной безопасности. В таком случае политика памяти (идентичности) может выступать в качестве ресурса «мягкой силы» или фактора принятия политических решений [3, с. 26–27]. Исследователи коллективной памяти постсоветских стран фиксировали, что она может использоваться для защиты идентичности как основы дееспособности новых политических акторов [4].

Нельзя сказать, что стало чем-то новым, будто акторами секьюритизации могут выступать как историки, исследователи, так и публичные интеллектуалы и политики. Показательный пример такого рода дают балтийские страны, представляя себя в качестве жертв двух тоталитарных режимов в выступлениях политиков и публицистов, произведениях писателей и кинематографистов [5]. Современные бои за идентичность демонстрируют значимость легитимации присоединения к более сильному в международной борьбе участнику. Американский журналист Фрэнсис Тэйпун, исколесивший все страны Восточной Европы на протяжении 7 лет в первое десятилетие 2000-х гг. и общавшийся с обычными людьми из 25 отнесенных им к этому региону стран, предпочел назвать свою искреннюю и остроумную (далеко не политкорректную) книгу (травелог, очерк о путешествиях и впечатлениях) «Скрытая Европа»,

имея в виду в первую очередь международный контекст: никакая страна не хочет быть связана с сателлитами СССР и лузерами в «холодной войне» [6]. В его наблюдениях отчетливо прослеживается выработываемая этими странами (их элитами) политика идентичности в форме виктимизма. Виктимизм не просто легитимирует роль этих стран в разного рода конфликтах, вплоть до мировых войн, но и обосновывает их претензии на получение определенных дивидендов от более удачливых и богатых партнеров.

Как поясняет А.И. Миллер, «новая «политика идентичности» стала активно использовать сферу культурной памяти для артикулирования и агрессивного утверждения «достоинства», «травматического опыта» групп, добивающихся преимуществ (или компенсации — зависит от точки зрения) за прежние несправедливости, для защиты оскорбленных чувств» [1, с. 13]. Таким образом политика идентичности используется как ресурс – в переговорах или торге.

Это отчетливо прослеживается в политике восточноевропейских стран после вступления их в Европейский союз, когда обнаружилось резкое расхождение между космополитической памятью старых стран-членов ЕС, основанной на восприятии Холокоста как величайшей трагедии XX в., и национальными историями Центрально-Восточной Европы, в которых каждая страна претендовала на то, что понесла самые большие потери и заслуживает самой большой компенсации за свои жертвы. «Отходя от признания ключевой роли общеевропейской ответственности за Холокост и усиливая линию на самовиктимизацию и перенос ответственности на внешние тоталитарные силы, – справедливо замечал Д.В. Ефременко, – инициаторы альтернативной версии политики памяти закладывают основу для новых конфликтов и даже для «войн памяти»» [1, с. 66–67]. Впрочем, такая основа политики памяти была заложена раньше, сразу с распадом СССР и коммунистического блока, когда каждое из постсоветских государств конструировало свою политику памяти. Наиболее показателен в этом контексте отказ от названия войны как Великой Отечественной, согласно той логике, что Советский Союз был для них не отечеством, а империей, поглотившей их независимые территории [4]. Венгрия, Болгария, Румыния переписывают свою роль во Второй мировой войне, отказываясь от ответственности [7; 8].

В отношении политики идентичности в ЕС существовали серьезные планы и программы. Европейские исследователи выражали надежды на создание в Европейском союзе идентичности, основанной на рациональной, неэмоциональной основе (Монсеррат Гильберно), разрабатывали универсальные принципы интеллектуального общения с равными правами, интерсубъективным взаимопо-

ниманием, без какого бы то ни было принуждения (Юрген Хабермас). И сегодня исследователи политики идентичности как *politics of belonging* (политики принадлежности) дают рекомендации создать дискурсивную, перформативную практику, формирующую ощущение принадлежности к Европе и европейским народам [9, p. 27].

Однако сегодняшняя ситуация демонстрирует нарастание ряда иных тенденций. Их нельзя отнести только за счет усилий политиков. Дискуссии о современном новом популизме, консервативном повороте, как правило, сосредоточены на роли политиков и их политических мотивациях, амбициях, интересах, целях. Нет смысла оспаривать их значение. Однако есть важная сторона, которая оказывается за пределами внимания. Каждый такой поворот имеет интеллектуальное подкрепление в виде сети центров, изданий, сообщества интеллектуалов близкой политической ориентации, которые создают своеобразные сети, ресурсы, которые могут быть использованы в борьбе за идентичность и в конфликте идентичностей, особенно, если речь идет о международном контексте. Эти тенденции добросовестно отражены в монографии коллективом исследователей нового консерватизма в России и странах Восточной Европы под руководством профессора Свободного университета Берлина Катарины Блюм [10].

В контексте международных отношений, выстраивания внешнеполитического курса в научной литературе категория идентичности анализировалась с начала 1990-х гг. [11]. Канадский исследователь сербского происхождения С. Вучетич дает обстоятельный анализ литературы по поводу использования концепта идентичности в теории международных отношений, делая вывод, что единства подходов пока не сформировалось, притом, что вал публикаций нарастает, а интерес усиливается. Как правило, эта проблематика определяется как *identity and foreign policy* (идентичность и внешняя политика) или *national identity and International relations* (национальная идентичность и международные отношения) [12–15].

В российской политической науке в 2010-е гг. появились первые публикации по внешнеполитической идентичности (работы И.Л. Прохоренко, Ю.А. Цырфы, А.П. Цыганкова, Е.В. Морозовой). Анализируя значимость идентичности в международных отношениях 10 лет назад, А.П. Кочетков завершал его тем, что идентичность «не только отражает международную реальность, но и сама создает (конструирует) события в мировой политике» [11, с. 24].

Этот тренд актуализировался в последние годы, когда выстраивание внешнеполитического курса, обоснование претензий на изменение роли в мировой политике происходит за счет обращения к иден-

тичности: новая китайская идентичность и китайская мечта Син Цзиньпина, новая исламская идентичность Турции Реджепа Эрдогана, обращение к японской идентичности в риторике Синдзо Абэ, призыв Дональда Трампа сделать Америку снова великой и вернуть американскую мечту.

Сложилась интересная ситуация, когда в сугубо академических штудиях западных исследователей политика идентичности по-прежнему относится к внутренней политике, к проблематике разделенного общества, в то время как во внешней политике этот конструкт воспринимается в качестве вполне определенного политического инструментария.

В таком ракурсе рассматриваются трансформации национальной идентичности Японии, которая все больше склонна идентифицировать себя как жертву, а не виновницу Второй мировой войны, используя трагический опыт Хиросимы и Нагасаки, а также современное противопоставление своей страны таким авторитарным соседям, как Северная Корея и Китай. С позиций политики идентичности рассматривают исследователи ЕС страну как актора международной безопасности [16]. В идентитарном ключе характеризуются аналитиками и другие угрозы внешнеполитического характера.

Посол Европейского союза Маркус Эдерер справедливо заметил в одном из недавних интервью: «Политизация истории, создание националистических мифов и переписывание фактов истории часто служат для политической мобилизации населения. В то же время они способны породить вражду между странами, являющимися соседями и разделяющими общую историю» [17].

Маркус Эдерер говорит о том, что многие другие европейские политики предпочитают умалчивать. В особенности, что современная политика идентичности может представлять риски, «когда ключевой становится идея "моя страна прежде всего" или "моя страна — сама по себе"» [18]. Политика идентичности в таком случае выступает как легитимация внешнеполитического курса через определение Своих и Чужих, от которых исходит угроза.

В то время как в мировой науке продолжают интенсивные дискуссии по поводу понятия «политика идентичности», в российском академическом сообществе сложилась тенденция оценивать политику идентичности как целенаправленный курс по конструированию групповой идентичности, в особенности национально-государственной [19]. Однако очень быстро намечился поворот к тому, чтобы определять ее как конкретное идеологическое оружие, которое может быть использовано против оппонента (противника) в идеологической и политической схватке. Так, В.Ш. Сургуладзе предлагает рассматривать политику идентичности как «инструмент обеспечения национальной безопасности» [20].

Представляется необходимым и жизненно важным в определении политики идентичности как политического инструментария учитывать сложность этой категории в научных исследованиях. Это позволит понимать мировую политику как сотканную

«из смыслов, символов, норм и интерпретаций», соответственно, требующую глубокого знания истории и культуры страны/региона и понимания присущих ему социокультурных особенностей, включая идентичность и политику по ее выстраиванию [21].

Библиографический список

1. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. СПб., 2020.
2. Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.
3. Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. СПб., 2020.
4. Национальные истории на постсоветском пространстве – II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. М., 2009.
5. Mälksoo M.A. Baltic Struggle for a “European Memory”: The Militant Mnemopolitics of the Soviet Story // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 4. N.4.
6. Tapon F. Hidden Europe. What Eastern Europeans Can Teach Us. San Francisco, 2012.
7. Kolev K. Weak Pluralism and Shallow Democracy: the Rise of Identity Politics in Bulgaria and Romania // *East European Politics*. 2020. Vol. 36. №2.
8. Rév I. Liberty Square, Budapest: How Hungary Won the Second World War // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. N4.
9. Lähdesmäki T., Passerini L, Kaasik-Krogerus S., van Huis I. (eds). *Dissonant Heritages and Memories in Contemporary Europe*. New York, 2019.
10. Bluhm K. (ed.) *New Conservatives in Russia and East Central Europe*, London, New York, 2019.
11. Кочетков А.П. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2010. №1.
12. Vucetic S. *Identity and Foreign Policy // The Culture of National Security: Norms and Identities in World Politics*. New York, 1996.
13. Hall R. *National Collective Identity: Social Constructs and International Systems*. New York, 1999.
14. Kaarbo J. *Foreign Policy Analysis in the Twenty-First Century: Back to Comparison, Forward to Identity and Ideas // International Studies Review*. 2003. Vol. 5(2).
15. Manicom J. *Identity Politics and the Russia-Canada Continental Shelf Dispute: An Impediment to Cooperation? // Geopolitics*. Vol. 18. №1.
16. Palm T., Crum B. *Military Operations and the EU’s Identity as an International Security Actor // European Security*. Vol. 28. №4.
17. Маркус Эдерер: ситуация с правами человека в РФ ухудшается, это не способствует сближению с ЕС // *Интерфакс*. 2020. 8 авг. URL: https://www.interfax.ru/interview/720794?fbclid=IwAR1Slhgm1Jqhni_nUJCfm3h9gX-6VCzTGWo6PAbVDW9YHeoKpdoFET_YTsjQ.
18. Snob: Конспект открытого интервью посла Европейского Союза в России // *Европейский диалог*. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2018/11/02/snob-konspekt-otkrytogo-intervyu-posla-evropejskogo-soyuza-v-rossii/>.
19. Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко ; ИМЭМО РАН. М., 2017.
20. Сургуладзе В.Ш. *Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика*. М., 2019.
21. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 5.